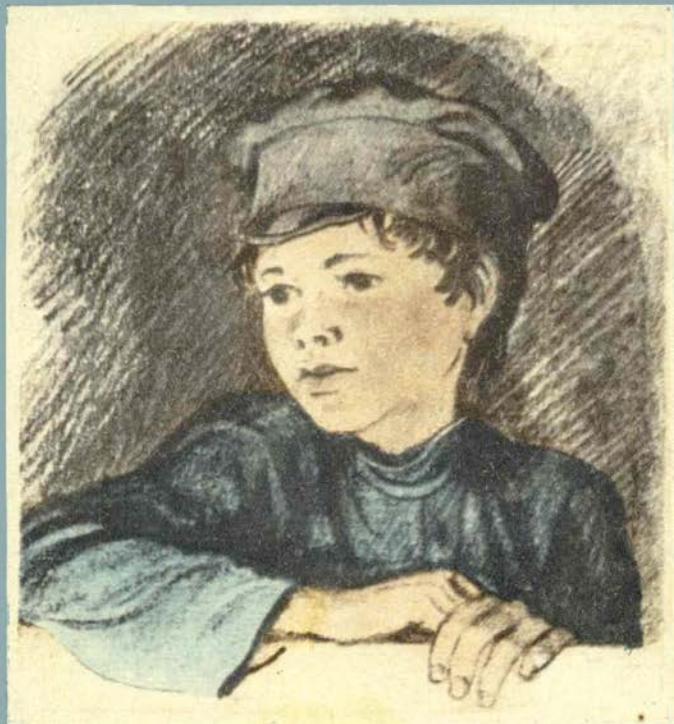

К Н И Г А З А К Н И Г О Й

М. Горький

ДЕТСТВО ИЛЬИ

*Издательство
"Детская литература"*

М. ГОРЬКИЙ

ДЕТСТВО ИЛЬИ

Рассказы

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1973

Оцифровка
dominas
2015

К ЧИТАТЕЛЯМ

Великий русский писатель Максим Горький (Алексей Максимович Пешков (1868—1936), прежде чем стать писателем, многое пережил и испытал.

С детства он пошёл «в люди» зарабатывать себе на жизнь. Он побывал у разных хозяев и переменил множество профессий: служил «мальчиком» в магазине обуви, был в услужении у чертёжника, мыл посуду на волжском пароходе, работал в пекарне, на железной дороге.

О своих детских и юношеских годах, полных труда и лишений, писатель рассказал в книгах: «Детство», «В людях», «Как я учился».

В этом сборнике вы прочтёте два рассказа Алексея Максимовича Горького: «Детство Ильи» (отрывок из повести «Тroe») и «Встряска».

Рисунки Б. Дехтерёва

0762—059
Г----- 160—73
101(03)73

ДЕТСТВО ИЛЬИ

Помнил Илья, как он приехал в город. Проснулся он рано утром и увидал перед собою широкую, мутную реку, а за ней, на высокой горе, кучу домов с красными и зелёными крышами и густые сады. Дома поднимались по горе густою красивой толпой всё выше; на самом гребне горы они вытянулись в ровную линию и гордо смотрели оттуда через реку. Золотые кресты и главы церквей поднимались над крышами, уходя глубоко в небо. Только что взошло солнце; косые его лучи отражались в окнах домов, и весь город горел яркими красками, сиял золотом.

— Вот так — а-яй! — воскликнул мальчик, широко раскрытыми глазами глядя на чудесную картину, и замер в молчаливом восхищении. Потом в душе его родилась беспокойная мысль, — где будет жить он, маленький, вихрастый мальчик в пестрядинных¹ штанышках, и его горбатый, неуклюжий дядя? Пустят ли их туда, в этот чистый, богатый, блестящий золотом,

¹ Пестрядина, пестрядь — грубая, домашнего изготовления ткань.

огромный город? Он подумал, что их телега именно потому стоит здесь, на берегу реки, что в город непускают людей бедных. Должно быть, дядя пошёл пропить, чтобы пустили.

Илья с тревогой в сердце стал искать глазами дядю. Вокруг их телеги стояло ещё много возов; на одних торчали деревянные стойки¹ с молоком, на других корзины с птицей, огурцы, лук, лукошки с ягодами, мешки с картофелем. На возах и около них сидели и стояли мужики, бабы — совсем особенные. Говорили они громко, отчётливо, а одеты не в синюю пестрядину, а в пёстрые ситцы и ярко-красный кумач². Почти у всех на ногах сапоги, и хотя около них расхаживал человек с саблей на боку³, но они не только не боялись его, а даже не кланялись ему. Это очень понравилось Илье. Сидя на телеге, он осматривал ярко освещённую солнцем живую картину и мечтал о времени, когда тоже наденет сапоги и кумачную рубаху.

Вдали, среди мужиков, появился дядя Терентий. Он шёл, крепко упираясь ногами в глубокий песок, высоко подняв голову; лицо у него было весёлое, и ещё издали он улыбался Илье, протянув к нему руку, что-то показывая.

— Господь за нас, Илюха! Дядю-то сразу нашёл я... На-ко вот, погрызи пока что!..

И дал Илье баранку.

Мальчик почти с благоговением взял её, сунул за пазуху и беспокойно спросил:

- Непускают в город-то?
- Сейчас пустят... Вот придёт паром — и поедем.
- И мы?
- А как же? И мы!

¹ Стойка — сосуд для хранения Молока и других жидкостей, сделанный из дерева.

² Кумач — хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета.

³ Человек с саблей на боку — полицейский стражник городовой.

— Ух! А я думал — нас не пустят... А там где мы будем жить-то?

— Это неизвестно...

— Вон бы в том большом-то, красном...

— Это казарма!.. Там солдаты живут...

— Ну, ин вон в том, в-вон в этом!

— Ишь ты! Высоко нам до него!..

— Ничего! — уверенно сказал Илья. — Долезем!

— Э-эх, ты! — вздохнул дядя Терентий и снова куда-то ушёл.

Жить им пришлось на краю города, около базарной площади, в огромном сером доме. Со всех сторон к его стенам прилипли разные пристройки, одни — поновее, другие — такие же серо-грязные, как сам он. Окна и двери в этом доме были кривые, и всё в нём скрипело. Пристройки, забор, ворота — всё наваливалось друг на друга, объединяясь в большую кучу полугнилого дерева. Стёкла в окнах тусклы от старости, несколько брёвен в фасаде выпятились вперёд; от этого дома был похож на своего хозяина, который держал в нём трактир. Хозяин тоже старый и серый; глаза на его дряхлом лице были похожи на стёкла в окнах; он ходил, опираясь на толстую палку; ему, должно быть, тяжело было носить выпяченный живот.

Первые дни жизни в этом доме Илья всюду лазил и всё осматривал в нём. Дом поразил его своей удивительной ёмкостью. Он был так тесно набит людьми, чтоказалось — людей в нём больше, чем во всей деревне Китежной. В обоих этажах помещался трактир, всегда полный народу. На чердаках жили какие-то бабы; одна из них, по прозвищу Матица — чёрная, огромная, басовитая, — пугала мальчика сердитыми тёмными глазами. В подвале жил сапожник Перфишка с большой безногой женой и дочкой лет семи, тряпичник дедушка Еремей, нищая старуха, худая, крикливая, её звали Полоротой, и извозчик Макар Степаныч, человек пожилой, смиренный, молчаливый.

В углу двора помещалась кузница; в ней с утра до вечера горел огонь, наваривали шины, ковали лошадей, стучали молотки; высокий, жилистый кузнец Савёл густым, угрюмым голосом пел песни. Иногда в кузнице являлась Савёлова жена, небольшая, полная женщина, русоволосая, с голубыми глазами. Она всегда накрывала голову белым платком, и было странно видеть эту белую голову в чёрной дыре кузницы. Она смеялась серебристым смехом, а Савёл вторил ей громко, точно молотом бил.

В каждой щели дома сидел человек, и с утра до поздней ночи дом сотрясался от крика и шума, точно в нём, как в старом, ржавом котле, что-то кипело и варилось.

Вечерами все люди выползали из щелей на двор и на лавочку к воротам дома; сапожник Перфишка играл на гармонике, Савёл мычал песни, а Матица — если она была выпивши — пела что-то особенное, очень грустное, никому не понятными словами, пела и о чём-то горько плакала.

Где-нибудь в углу на дворе около дедушки Еремея собирались все жившие в доме ребятишки и, усевшись в кружок, просили его:

— Де-едушка! Расскажи сказочку!..

Дедушка смотрел на них болячими, красными глазами, из которых, не иссякая, текли по морщинам лица мутные слёзы, и, крепко нахлобучив на голову старую, рыжую шапку, заводил нараспев дрожащим тонким голосом:

— А и в некоторыем царствии, вот и в некоторыем государствах уродился фармазон-еретик от неведомых родителей, за грехи сыном наказанных богом господом всевидящим...

Длинная седая борода дедушки Еремея вздрагивала и тряслась, когда он открывал свой чёрный, беззубый рот, тряслась и голова, а по морщинам щёк одна за другой всё катились слёзы.

Ребятишки слушали тонкий голос старика и молчали смотрели в его лицо.

Всех внимательнее слушал русый Яшка, сын буфетчика Петрухи, тощий, остроносый, с большой головой на тонкой шее. Когда он бежал, его голова так болталаась от плеча к плечу, точно готова была оторваться. Глаза у него тоже большие и беспокойные. Они всегда пугливо скользили по всем предметам, точно боясь остановиться на чём-либо, а остановившись — странно выкатывались, придавая лицу мальчика овечье выражение. Он выделялся из кучи ребят тонким бескровным лицом и чистой крепкой одеждой. Илья сразу подружился с ним; в первый же день знакомства Яков таинственно спросил нового товарища:

— У вас в деревне колдунов много?

— Есть, — ответил Илья. — У нас шабёр¹ колдун был.

— Рыжий? — шёпотом осведомился Яков.

— Седой... они все седые...

— Седые — ничего. Седые — добрые... А вот которые рыжие — ух, ты! Те кровь пьют...

Они сидели в лучшем, самом уютном углу двора, за кучей мусора под бузиной, тут же росла большая, старая липа. Сюда можно было попасть через узкую щель между сараев и домом; здесь было тихо и, кроме неба над головой да стены дома с тремя окнами, из которых два были заколочены, из этого уголка не видно ничего. На ветках липы чирикали воробы, на земле, у корней её, сидели мальчики и тихо беседовали обо всём, что занимало их.

Целые дни перед глазами Ильи вертелось с криком и шумом что-то большущее, пёстрое и ослепляло, оглушало его. Сначала он растерялся и как-то поглу-пел в кипучей сутолоке этой жизни. Стоя в трактире

¹ Ша б ё р (местное слово) — сосед.

около стола, на котором дядя Терентий, потный и мокрый, мыл посуду, Илья смотрел, как люди приходят, пьют, едят, кричат, целуются, дерутся, поют песни. Тучи табачного дыма плавают вокруг них, и в этом дыму они возятся, как полоумные...

— Эй-эй! — говорил ему дядя, потряхивая горбом и неустанно звеня стаканами. — Ты чего туг? Иди-ка на двор! А то хозяин увидит — заругает!..

«Вот так — а - я й!» — мысленно произносил Илья своё любимое восклицание и, ошеломлённый шумом трактирной жизни, уходил на двор. А на дворе Савёл стучал молотом и ругался с подмастерьем, из подвала на волю рвалась весёлая песня сапожника Перфишки, сверху сыпалась ругань и крики баб. Пашка, Савёлов сын, скакал верхом на палке и кричал сердитым голосом:

— Тпру, дьявол!

Его круглая, задорная рожица вся испачкана грязью и сажей; на лбу у него шишкa; рубаха рваная, и сквозь её бесчисленные дыры просвечивает крепкое тело. Это первый озорник и драчун на дворе; он уже успел дважды очень сильно поколотить неловкого Илью, а когда Илья, заплакав, пожаловался дяде, тот только руками развёл, говоря:

— Ну что сделаешь? Потерпи!..

— Я вот пойду да так его вздую! — сквозь слёзы пообещал Илья.

— Не моги! — строго молвил дядя. — Никак этого нельзя!..

— А он что?

— То — он!.. Он тутошний... свой... А ты — чужой...

Илья продолжал угрожать Пашке, но дядя рассердился и закричал на него, что с ним бывало редко. Тогда Илья смутно почувствовал, что ему нельзя равняться с «тутошними» ребятишками, и, затаив неприязнь к Пашке, ещё больше сдружился с Яковом.

Яков вёл себя степенно: он никогда ни с кем не дрался, даже кричал редко. Он почти не играл, но любил говорить о том, в какие игры играют дети во дворах у богатых людей и в городском саду. Из всех детей на дворе, кроме Ильи, Яков дружился только с семилетней Машкой, дочерью сапожника Перфишки, чумазой тоненькой девчонкой, — её маленькая головка, осыпанная тёмными кудрями, с утра до вечера торчала на дворе. Её мать тоже всегда сидела у двери в подвал. Высокая, с большой косой на спине, она постоянно шила, низко согнувшись над работой, а когда поднимала голову, чтобы посмотреть на дочь, Илья видел её лицо. Оно было толстое, синее, неподвижное, как у покойника, чёрные добрые глаза на этом неприятном лице тоже неподвижны. Она никогда ни с кем не разговаривала и даже дочь свою подзывала к себе знаками, лишь иногда — очень редко — вскрикивая хриплым, задушенным голосом:

— Маша!

Сначала Илье что-то нравилось в этой женщине, но, когда он узнал, что она уже третий год не владеет ногами и скоро погибнет, он стал бояться её.

Однажды, когда Илья проходил вблизи неё, она протянула руку, схватила его за рубаху и привлекла испуганного мальчика к себе.

— Попрошу я тебя, — сказала она, — не обижай Машу!..

Ей трудно было говорить: она задыхалась отчего-то.

— Не обижай, милый!..

И, жалобно взглянув в лицо Ильи, отпустила его. С этого дня Илья вместе с Яковом стал внимательно ухаживать за дочерью сапожника, стараясь оберечь её от разных неприятностей жизни. Он не мог не оценить просьбы со стороны взрослого человека, потому что все другие большие люди только приказывали и всегда били маленьких. Извозчик Макар лягался но-

гами и шлёпал ребятишек по лицу мокрой тряпкой, если они подходили близко к нему, когда он мыл пролётку. Савёл сердился на всех, кто заглядывал в его кузницу не по делу, и бросал в детей угольными мешками. Перфишка швырял чем попало во всякого, кто, останавливаясь перед его окном, закрывал ему свет... Иногда били и просто так, от скуки, из желания пошутить с детьми. Только дедушка Еремей не дрался.

Вскоре Илье стало казаться, что в деревне лучше жить, чем в городе. В деревне можно гулять, где хочешь, а здесь дядя запретил уходить со двора. Там просторнее, тише, там все люди делают одно и то же всем понятное дело, — здесь каждый делает, что хочет, и все — бедные, все живут чужим хлебом, впроголодь.

Однажды за обедом дядя Терентий сказал племяннику, тяжело вздыхая:

— Осень идёт, Илюха... Подвернёт она нам с тобой гайки-то!.. О господи!..

Он задумался, уныло глядя в чашку со щами. Задумался и мальчик. Обедали они на том же столе, на котором горбун мыл посуду.

— Петруха говорит, чтобы тебя с Яштукой в училище отдать... Надо, я понимаю... Без грамоты здесь, как без глаз!.. Да ведь одеть, обуть надо тебя для училища!.. О господи! На тебя надежда!

От вздохов дяди, от грустного его лица у Ильи защемило сердце, он тихо предложил:

— Давай уйдём отсюда!..

— Ку-уда-а? — протяжно и уныло спросил горбун.

— А — в лес! — сказал Илья и вдруг воодушевился. — Дедушка, ты говорил, сколько годов в лесу жил — один! А нас — двое. Лыки бы драли... Лис, белок били бы... Ты бы ружьё завёл, а я — силки! Птицу буду ловить. Ей-богу! Ягоды там, грибы... Уйдем?

Дядя поглядел на него ласковыми глазами и с улыбкой спросил:

— А волки? А медведи?

— С ружьём-то? — горячо воскликнул Илья.— Да я, когда большой вырасту, я зверей не побоюся! Я их руками душить стану!.. Я и теперь уже никого не боюсь! Здесь житьё тугое! Я хоть и маленький, а вижу! Здесь больнее дерутся, чем в деревне! Кузнец как треснет по башке, так там аж гудит весь день после того!..

— Эх ты, сирота божия! — сказал Терентий и, бросив ложку, поспешил ушёл куда-то.

Вечером этого дня Илья, устав бродить по двору, сидел на полу около стола дяди и сквозь дрёму слушал разговор Терентия с дедушкой Еремеем, который пришёл в трактир попить чайку. Тряпичник очень подружился с горбуном и всегда усаживался пить чай рядом со столом Терентия.

— Ничего-о! — слышал Илья скрипучий голос Еремея. — Ты только одно знай — бог!

— Я, дедушка, уповаю на господа, — что больше могу я? - тихо говорил Терентий.

Голосом, похожим на голос буфетчика Петрухи, когда он сердился, дед сказал Терентию:

— На снаряжение Илюшки в училище я тебе дам!.. Поскребусь и наберу... Взаймы. Богат будешь — отдашь...

— Дедушка! — тихо воскликнул Терентий.

— Стой, молчи! А покамест ты его, мальчишку-то, дай-ка мне, — нечего тут ему делать!.. А мне заместо процента он и послужит... Тряпку поднимет, кость подаст... Всё мне, старику, спины не гнуть.

— Ах, ты! Господь тебе!.. — вскричал горбун звянящим голосом.

— Господь — мне, я — тебе, ты — ему, а он — опять господу, так оно у нас колесом и завернется... И никто никому не должен будет... Ми-илай!..

Илья заснул под эти речи. А на другой день, рано утром, дед Еремей разбудил его, весело говоря:

— Айда гулять, Илюшка! Ну-ка, живенько!

Хорошо зажил Илья под ласковой рукой тряпичника Еремея. Каждый день, рано утром, дед будил мальчика, и они, вплоть до позднего вечера, ходили по городу, собирая тряпки, кости, рваную бумагу, обломки железа, куски кожи. Велик город и много любопытного в нём, так что первое время Илья плохо помогал деду, а всё только разглядывал людей, дома, удивлялся всему и обо всём расспрашивал старика... Еремей был словоохотлив. Низко наклонив голову и глядя в землю, он ходил со двора на двор и, постукивая палкой с железным концом, утикал слёзы рукавом своих лохмотьев или концом грязного мешка и, не умолкая, певуче, однотонно рассказывал своему помощнику:

— А этот дом Пчелина купца, Саввы Петровича. Богатый человек купец Пчелин!..

— Дедушка, — спрашивает Илья, — а как богатыми делаются?

— Трудятся для этого, работают, значит... И день работают и ночь, и всё деньги копят. Накопят — выстроят дом, заведут лошадей, посуду разную и всякое такое, эдакое. Новое всё! Наймут приказчиков¹, дворников и разных людей, чтобы они работали, а сами отдохивают — живут. Ну, тогда говорится: разжился человек честным трудом... н-да!.. А то есть, которые от греха богатеют. Про Пчелина купца говорят люди, будто он душу погубил, когда молодой был. Может, это от зависти сказано, а может, и правда. Злой он, Пчелин-то, глаз у него пугливы... Всё бегает глаз, прячется... Может, и врут про Пчелина... Бывает, что человек богатеет сразу... Удача ему... Удача на него взглянула... А вот это вот — Сабанеев дом, Митрия Павлыча... Он ещё Пчелина богаче. Уж он настоящий

¹ Приказчик — наёмное лицо у купца или помешника, занимавшееся по доверенности хозяина или торговлей в магазине, или управлением поместьичным хозяйством.

злодей, — я знаю... Не сужу — богу судить, — а знаю верно... В нашей деревне бурмистром¹ он был и всех нас продал, всех ограбил!..

Илья внимательно слушал его, поглядывая на огромные дома, и порой говорил:

— Хоть бы глазом одним в нутро-то взглянуть!

— Увидишь! Знай, учись, вырастешь — всё увидишь! Может, и сам разбогатеешь... Живи, знай... Охо-хо-о! Вот я жил-жил, глядел-глядел — глаза-то себе и испортил... Вот они, слёзы-то, текут да текут у меня... и оттого стал я тощей да хилый... Истёк, значит, слезой-то!

Приятно было Илье слушать уверенные и любовные речи старика; от ласковых слов в сердце мальчика рождалось бодрое, крепкое чувство надежды на что-то хорошее, что ожидает его впереди. Он повеселел и стал больше ребёнком, чем был первое время жизни в городе.

Он с увлечением помогал старику рыться в мусоре. Очень интересно раскапывать кучи разного хлама, а особенно приятно было видеть радость старика, когда в мусоре находилось что-нибудь особенное. Однажды Илья нашёл большую серебряную ложку — дед купил ему за это полфунта мятных пряников. Потом он откопал маленький, покрытый зелёной плесенью кошелёк, а в нём оказалось больше рубля денег. Порой попадались ножи, вилки, гайки, изломанные медные вещи, а в овраге, где сваливался мусор со всего города, Илья отрыл тяжёлый медный подсвечник. За каждую из таких ценных находок дед покупал Илье гостинцев.

Находя такую диковинку, Илья радостно кричал:

— Дедушка, гляди-ка! Вот так — а-яй!

А дед, беспокойно оглядываясь, увещевал его:

¹ Бурмистр — при крепостном праве старбста (управитель) в деревнях, назначавшийся помещиком.

— Да ты не кричи! Не кричи ты!.. Ах, господи!..

Он всегда пугался, когда находили необыкновенные вещи, и, быстро выхватывая их из рук мальчика, прятал в свой огромный мешок.

— Молчи, знай, помалкивай!.. — ласково говорил старик, а слёзы всё текли и текли из его красных глаз.

Он дал Илье небольшой мешок, палку с железным концом, — мальчик гордился этим орудием. В свой мешок он собирал разные коробки, поломанные игрушки, красивые черепки; ему нравилось чувствовать все эти вещи у себя за спиной, слышать, как они постукивают там. Собирать всё это научил его дед Еремей.

— А ты собирай эти штучки и тащи их домой. Принесёшь, ребятишек обделишь, радость им дашь. Это хорошо — радость людям дать, любит это господь... Все люди радости хотят, а её на свете ма-аломало! Так-то ли мало, что иной человек живёт-живёт и никогда её не встретит — никогда!..

Городские свалки нравились Илье больше, чем хождение по дворам. На свалках не было никого, кроме двух-трёх стариков, таких же, как Еремей; здесь не нужно было оглядываться по сторонам, ожидая дворника с метлой в руках, который явится, обругает нехорошими словами, да ещё и ударит, выгоняя со двора.

Каждый день, порывшись в свалках часа два, Еремей говорил мальчику:

— Будет, Илюша! Отдохнём давай, поедим!

Вынимал из-за пазухи ломоть хлеба, крестясь разламывал его, и они ели, а поев, отдыхали с полчаса, лёжа на краю оврага. Овраг выходил устьем на реку, её видно было им. Широкая, серебристо-синяя, она тихо катила мимо оврага свои волны, и, глядя на неё, Илье хотелось плыть по ней. За рекою развёртывались луга, стоги сена стояли там серыми башнями, и далеко, на краю земли, в синее небо упиралась

Однажды Илья нашёл большую серебряную ложку...

тёмная зубчатая стена леса. Было в лугах тихо, ласково, и чувствовалось, что воздух там чистый, прозрачный и сладко-пахучий... А здесь душно от запаха пре臭ущего мусора; запах этот давил грудь, щипал в носу, — у Ильи, как у деда, тоже слёзы из глаз текли...

Лёжа на спине, мальчик смотрел в небо, не видя конца высоте его. Грусть и дрёма овладевали им, какие-то неясные образы зарождались в его воображении. Казалось ему, что в небе, неуловимо глазу, плавает кто-то огромный, прозрачно-светлый, ласково греющий, добрый и строгий, и что он, мальчик, вместе с дедом и всею землёй поднимается к нему туда, в бездонную высь, в голубое сиянье, в чистоту и свет... И сердце его сладко замирало в чувстве тихой радости.

Вечером, возвращаясь домой, Илья входил на двор с важным видом человека, который хорошо поработал, желает отдохнуть и совсем не имеет времени заниматься пустяками, как все другие мальчишки и девчонки. Всем детям он внушал почтение к себе солидной осанкой и мешком за плечами, в котором всегда лежали разные интересные штуки...

Дед, улыбаясь ребятишкам, говорил им какую-нибудь шутку:

— Вот и пришли, Лазари, весь город облазили, везде напроказили!.. Илька! Иди помой рожу да приходи в трактир чай пить!..

Илья вразвалку шёл к себе в подвал, а ребятишки гурьбой следовали за ним, осторожно ощупывая содержимое его мешка. Только Пашка, дерзко заграждивая дорогу Илье, говорил:

— Эй, ветошник¹! Ну-ка, кажи, что принёс...

— Погодиши! — говорил Илья сурово. — Напьюсь чаю — покажу.

В трактире его встречал дядя, ласково улыбаясь:

¹ В е т о ш н и к — торгующий ветошью (старым платьем, тряпьём).

— Пришёл, работник? Ах ты, сердяга!.. Устал?

Илье было приятно слышать, что его называют работником, а слышал это он не от дяди только. Однажды Пашка что-то созорничал; Савёл поймал его, ущемил в колени Пашкину голову и, нахлёстывая его верёвкой, приговаривал:

— Не озоруй, шельма, не озоруй! На, вот тебе, на! на! Другие ребята в твои годы сами себе хлеб добывают, а ты только жрёшь да одёжу дерёшь!..

Пашка визжал на весь двор и дрыгал ногами, а верёвка всё шлёпалась о его спину. Илья со странным удовольствием слушал болезненные и злые крики своего врага, но слова кузнеца наполнили его сознанием своего превосходства над Пашкой, и тогда ему стало жаль мальчика.

— Дядя Савёл, брось! — вдруг закричал он.

Кузнец ударил сына ещё раз и, взглянув на Илью, сказал сердито:

— А ты — цыц! Заступник!.. Вот я те дам!..

Отшвырнув сына в сторону, он ушёл в кузницу.

Пашка встал на ноги и, спотыкаясь, как слепой, пошёл в тёмный угол двора. Илья отправился за ним, полный жалости к нему. В углу Пашка встал на колени, упёрся лбом в забор и, держа руки на ягодицах, стал выть ещё громче. Илья захотелось сказать что-нибудь ласковое избитому врагу, но он только спросил Пашку:

— Больно?

— У-уйди! — крикнул тот.

Этот крик обидел Илью, он поучительно заговорил:

— Вот — ты всех колотишь, вот и...

Но раньше, чем договорил он, Пашка бросился на него и сшиб с ног. Илья тоже освирепел, и оба они комом покатились по земле. Пашка кусался и царапался, а Илья, схватив его за волосы, колотил о землю его голову до поры, пока Пашка не закричал:

— Пусти-и!

— То-то! — сказал Илья, вставая на ноги, гордый своей победой. — Видал? Я сильнее! Значит — ты меня не задирай теперь!

Он отошёл прочь, отирая рукавом рубахи в кровь расцарапанное лицо. Среди двора стоял кузнец, мрачно нахмурив брови. Илья, увидев его, вздрогнул от страха и остановился, уверенный, что сейчас кузнец изобьёт его за сына. Но тот повёл плечами и сказал:

— Ну, чего уставил буркалы на меня? Не видал раньше? Иди, куда идёшь!..

А вечером, поймав Илью за воротами, Савёл ленясько щёлкнул его пальцем в темя и, сумрачно улыбнувшись, спросил:

— Как делишки, мусорщик?

Илья радостно хихикнул — он был счастлив. Сердитый кузнец, самый сильный мужик на дворе, которого все боялись и уважали, шутит с ним! Кузнец схватил его железными пальцами за плечо и добавил ему ещё радости.

— Ого-о! — сказал он. — Да ты — крепкий мальчишка! Не скоро износишься, нет, парень!.. Ну, расти!.. Вырастешь — я тебя в кузню возьму!..

Илья охватил у колена огромную ногу кузнеца и крепко прижался к ней грудью. Должно быть, Савёл ощутил трепет маленького сердца, задыхавшегося от его ласки; он положил на голову Ильи тяжёлую руку, помолчал немножко и густо молвил:

— Э-эх, сирота!.. Ну-ка, пусти-ка!..

Сияющий и весёлый, принял Илья в этот вечер за обычное своё занятие — раздачу собранных за день диковин. Дети уселись на землю и жадными глазами глядели на грязный мешок. Илья доставал из мешка лоскутки ситца, деревянного солдатика, полиившегося от невзгод, коробку из-под ваксы, помадную банку, чайную чашку без ручки и с выбитым краем.

— Это мне, мне, мне! — раздавались завистливые

крики, и маленькие грязные ручонки тянулись со всех сторон к редкостным вещам.

— Погоди! Не хватай! — командовал Илья. — Разве игра будет, коли вы всё сразу растащите? Ну, открываю лавочку! Продаю кусок ситцу... Самый лучший ситец! Цена — полтина!.. Машка, покупай!

— Купила! — отвечал Яков за сапожникову дочь и, доставая из кармана заранее приготовленный черепок, совал его в руку торговцу. Но Илья не брал...

— Ну какая это игра? А ты торгуйся, чё-орт! Никогда ты не торгуешься!.. Разве так бывает?

— Я забыл! — оправдывался Яков.

Начинался упорный торг; продавец и покупатели увлекались им, а в это время Пашка ловко похищал из кучи то, что ему нравилось, убегал прочь и, приплясывая, дразнил их:

— А я украл! Разини вы! Дураки, черти!

Он такими выходками приводил всех в исступление: маленькие кричали и плакали, Яков и Илья бегали по двору за вором и почти никогда не могли схватить его. Потом к его выходкам привыкли, уже не ждали от него ничего хорошего, единодушно невзлюбили его и не играли с ним. Пашка жил в стороне и усердно старался делать всем что-нибудь неприятное. А большеголовый Яков возился, как нянька, с курчавой дочерью сапожника. Она принимала его заботы о ней, как должное, и хотя звала его Яшечка, но часто царапала и била. Дружба с Ильёй крепла у него, и он постоянно рассказывал товарищу какие-то странные сны:

— Будто у меня множество денег, и всё рубли — агромадный мешок! И вот я тащу его по лесу. Вдруг — разбойники идут. С ножами, страшные! Я — бежать! И вдруг будто в мешке-то затрепыхалось что-то... Как я его брошу! А из него птицы разные ф-р-р-р!.. Чижи, синицы, щеглята — видимо-

невидимо! Подхватили они меня и понесли, высоко-высоко!

Он прерывал рассказ, глаза его выкатывались, лицо принимало овечье выражение...

— Ну? — поощрял его Илья, нетерпеливо ожидая конца.

— Так я совсем и улетел! — задумчиво доканчивал Яков.

— Куда?

— А... совсем!

— Эх, ты! — разочарованно и пренебрежительно говорил Илья. — Ничего не помнишь!..

Из трактира выходил дед Еремей и, приставив ладонь ко лбу, кричал:

— Илюшка! Ты где? Иди-ка спать, пора!..

Илья послушно шёл за стариком и укладывался на своё ложе — большой куль, набитый сеном. Сладко спалось ему на этом куле, хорошо жил он с тряпичником, но быстро промелькнула эта приятная и лёгкая жизнь.

ВСТРЯСКА

Страница из Мишкиной жизни

...Однажды в праздничный вечер он стоял на галерее цирка, плотно прижавшись грудью к дереву перил, и, бледный от напряжённого внимания, смотрел очарованными глазами на арену, где кувыркался ярко одетый клоун, любимец цирковой публики.

Окутанное пышными складками розового и жёлтого атласа тело клоуна, гибкое, как у змеи, мелькая на тёмном фоне арены, принимало различные позы: то лёгкие и грациозные, то уродливые и смешные; оно, как мяч, подпрыгивало в воздухе, ловко кувыркалось там, падало на песок арены и быстро каталось по ней. Потом клоун вскакивал на ноги и, смелый, довольный собой, весело смотрел на публику, ожидая от неё рукоплесканий. Она не скучилась и дружно поощряла его искусство громким смехом, криками, улыбками одобрения. Тогда он вновь извивался, кувыркался, прыгал, жонглировал своим колпаком; при каждом движении его золотые блёстки, нашитые на атласе, сверкали, как искры, а мальчик с галереи жадно сле-

дил за этой игрой гибкого тела и, прищуривая от удовольствия свои чёрные глазки, улыбался тихой улыбкой неизъяснимого удовольствия.

— Фот тяк! — ломаным языком и тонким голосом говорил клоун, перепрыгивая через спинку стула, несколько секунд балансировал на ней, но вдруг неестественно изогнулся, упал и, съёжившись в ком, вместе со стулом замелькал по арене, так что казалось, будто стул ожил и гонится за ним.

Мальчик следил за всем, что делал клоун, и, увлечённый его ловкостью, невольно отражал и повторял на своей рожице все гримасы уморительно подвижного набелённого лица. Он повторял бы и жесты, но был стиснут со всех сторон до того, что не мог двинуть рукой. Сзади на него навалился какой-то бородач в кучерском костюме, с боков тоже давили его.

На галерее было душно; грудь, прижатая к дереву перил, болела, ноги ныли от усталости и полученных толчков, но — как ловок и красив этот клоун и как люб он всем! Увлечение мальчика ловкостью артиста возвышалось до благоговейного чувства; он молчал, когда публика громко выражала свои одобрения клоуну, молчал и порой вздрагивал от желания самому быть там, на арене, кувыркаться по ней в сияющем костюме, смешить людей; слышать их похвалы и видеть сотни весёлых лиц и внимательных глаз, устремлённых на него.

Сильное, но смутное чувство, властно охватившее мальчика, было, в общем, тёмным чувством — оно не оживляло, а подавляло своей силой, в нём было много грусти и зависти, ещё более обострявшихся каждый раз, когда у мальчика вспыхивала мысль о том, что всё это красивое и приятное, как сон, должно скоро кончиться и опять ему придётся идти домой, в тёмную и грязную мастерскую...

А клоун встал на четвереньки, одну ногу вытянул и, прыгая по арене на другой и на руках, с визгом и

хрюканьем скрылся, возбудив в публике дружный хохот.

Следующим номером программы была борьба двух атлетов, потом выехала на лошади барыня в длинном чёрном платье и в шляпе, похожей на маленькое ведёрко, за ней вышли трое акробатов... Было и ещё много разных «номеров», но из них внимание маленького зрителя заняли только двое артистов, ещё более маленьких, чем он сам. Исполнив трудное упражнение на турнике, они ушли, но и они не затушевали того впечатления, которое оставил клоун.

Когда представление кончилось и публика с шумом стала расходиться, мальчик с галереи всё ещё медлил уходить и смотрел да арену, где уже гасили огни. Вот там явился какой-то низенький господин с тростью в руке и с сигарой в зубах.

— Это и есть самый он... клоун-то, — сказал бородатый человек и, широко улыбаясь, добавил: — Очень я его хорошо знаю... хоша он и обрядился в настоящее...

Мальчик слышал эти слова и пристально смотрел на человека с сигарой, который стоял среди арены, что-то приказывая людям в красных мундирах, суетившимся по ней. Это блестящий, ловкий клоун? И мальчик разочарованно тряхнул головой — не понравилось ему, что такой удивительный человек одевается, как самый обыкновенный модный барин. Вот если б он, Мишка, был клоуном, он так бы и ходил по улицам в ярком широком атласном костюме с золотом и в высоком белом колпаке. И Мишка вышел из цирка, решительно недовольный этим неприятным превращением артиста в обычного человека.

Длинная улица лежала пред мальчиком; по обеим сторонам её, как две нити крупных огненных бус, протягивались вдаль фонари, оживлённо и безмолвно со-

стязаясь с тьмой ночи, полной говора людей и дребезга пролёток. Вспоминая выходки клоуна, мальчик улыбался, а иногда, перепрыгивая через впадину на панели или вскакивая на ступеньку крыльца, вполголоса восклицал:

— Фот тяк! И фот тяк!..

И, воспроизведя на лице гримасы и ужимки, потешавшие публику, мальчик порой останавливался пред окнами магазинов и серьёзно подолгу рассматривал своё отражение на стекле.

Удовлетворённый видом своей исковерканной гримасами скуластой рожицы с маленькими, живыми чёрными глазами, он весело подпрыгивал и свистал. Но уже в нём являлось нечто, портившее ему настроение, — память, оживлённая боязнью наказания, чувством, которое постоянно жило в худой груди Мишки, — память упорно восстановляла перед ним завтрашний день — тяжёлый, суевийский день!

Завтра утром он проснётся, разбуженный сердитым окриком кухарки, и пойдёт ставить самовар для мастеров. Потом приготовит посуду для чая на длинном столе среди мастерской и станет будить мастеров, а они будут ругать его и лягаться ногами...

Пока они пьют чай, он должен прибрать их постели, вынести мастерскую; потом, выпив стакан холодного и спитого чая, он достанет из угла мастерской большую каменную плиту, положит её на табурет и с пирамидальным камнем в руках усядется растирать краски. От возни тяжёлым камнем по плите у него заболят, заносят и руки, и плечи, и спину.

После обеда около часа отдыха, — он уберёт со стола и, свернувшись где-нибудь в углу, заснёт, как котёнок... а разбудят его пинком. Может быть, его заставят чистить пемзой доски, зашпаклёванные под иконы, и он, кашляя и чихая, долго будет дышать тонкой меловой пылью. И так весь день, до ужина...

Единственное приятное, что испытывал Мишка и

чего он всегда с нетерпением ждал, — это приказание бежать куда-нибудь — к столяру за досками для икон, в москательную лавку, в кабак за водкой... А самым неприятным и даже страшным для него было копотливое и требовавшее большой осторожности поручение заготовить яичных желтков для красок¹.

Нужно было осторожно разбить яйцо, слить желток в одну чашку, белок — в другую, а он то портил яйцо, раздавливая в нём желток, то сливал белок в чашку с желтком и портил уже все желтки, которые успел отделить. За это — били.

Скучную и нелёгкую жизнь изживал он...

...Дойдя до ворот хмурого двухэтажного дома, окрашенного в какую-то рыжую краску, Мишка торкнулся в калитку и, убедившись, что она заперта, тотчас же решил перелезть через забор, что и исполнил быстро и бесшумно, как кошка. Проникая во двор таким необычным путём, он избегал подзатыльника, которым непременно отплатил бы ему дворник за беспокойство отворить калитку, — ведь всегда приятно получить одним подзатыльником меньше против того, сколько вам их назначено от судьбы. А кроме этого, Мишке было и невыгодно, чтоб дворник видел, где он ляжет спать. Хитрый мальчик для сна всегда выбирал самые укромные уголки двора — этим он выигрывал у хозяина несколько лишних минут сна, ибо поутру, для того чтоб разбудить Мишку, сначала нужно было найти его. И теперь он тихо пробрался в угол двора, там в узкой дыре между поленницей дров и стеной погреба зарылся в солому и рогожи, с наслаждением вытянулся на спине и несколько секунд смотрел в небо.

В небе сверкали звёзды... Они напомнили Мишке золотые блёстки на атласном костюме клоуна, он за-

¹ Краски, которыми писали большинство икон, разводились на яичном желтке.

жмурил глаза, улыбнулся сквозь дрёму и, беззвучно, одними губами, повторив: «Фот тяк...», уснул крепким, детским сном...

Проснуться его заставило странное ощущение: ему показалось, что левая нога его быстро бежит куда-то и тащит за собой всё тело. Он с испугом открыл глаза.

— Чертёнок! — укоризненно говорила кухарка, дёргая его за ногу. — Опять ты спрятался? Вот я ужо — погоди! — скажу хозяйке...

— Это я, тётинька Палагея, не прятался, вот ей-богу, не прятался! — И Мишка, вскочив на ноги, убеждённо перекрестился.

— Чертти тебя спрятали?

— А я пришёл, и было везде заперто... Дядя Николай стал бы ругаться, ну я — махить через ворота... — скороговоркой объяснил Мишка, зорко следя за руками тётиньки Палагеи.

— Иди, иди, шишига, ставь самовар-от, ведь уж скоро шесть часо-ов...

— Это я чичас! — с полной готовностью воскликнул Мишка и, довольный тем, что так дёшево отделался, сломя голову побежал в кухню.

Там, бодро возясь около самовара, позеленевшего от старости пузатого ветерана¹ с исковерканными боками, Мишка вступил в беседу с кухаркой.

— Ну, уж в цирке вчерась — ах, тётинька! здорово представляли! — щуря глаза от удовольствия, сказал он.

— Я тоже было хотела пойти, — угрюмо отозвалась кухарка и со злым вздохом добавила: — Да разве у нас вырвешься!

— Вам нельзя, — серьёзно сказал Мишка, и так как он был великий дипломат, то, ответив кухарке со-

¹ В е т е р и н — престарелый воин, солдат, а также человек, долго занимавшийся каким-либо делом. Здесь это слово в значении: вещь, много лет прослужившая хозяину.

чувственным вздохом, пояснил свои слова: — Потому вы вроде как на каторге...

— То-то, что...

— А уж был там паяц один... ах и шельма!

— Смешной? — заинтересовалась кухарка оживлением Мишки.

— Тоись просто уморушка! Согнёт он какой-нибудь крендель — так все за животики и возьмутся! — живописал Мишка, держа в руках пучок зажжённой луцины.

— Ишь ты... люблю я этих паяцов... Клади лучину-то в самовар — руки сожжёшь!

— Фю-ить! Готово! Рожа у него — как на пружинах... уж он её и так кривит и эдак... — Мишка показал, как именно паяц кривит рожу.

Кухарка взглянула на него и расхохоталась:

— Ах, ты... таракан ты... ведь уж перенял! Ступай, убирай мастерскую-то, анчутка.

— И фот тяк! — пискливо крикнул Мишка, исчезая из кухни, сопровождаемый добродушным смехом Палагеи.

Прежде чем попасть в мастерскую, он подбежал в сенях к кадке с водой и, глядя в неё, проделал несколько гримас. Выходило настолько хорошо, что он даже сам рассмеялся.

...Этот день стал для него роковым днём и днём триумфа¹. С утра он рассказывал в мастерской о клоуне, воспроизводил его гримасы, изгибы его тела, пискливую речь и всё, что врезалось в его память. Мастеров томила скука, они рады были и той незатейливой забаве, которую предлагал им увлечённый Мишка; они поощряли его выходки и к вечеру уже звали его — паяц.

— Паяц! На-ко, вымой кисти!

— Паяц! Принеси лазури!

¹ Триумф — торжество.

И Мишка, чувствуя себя героем дня, белкой прыгал по мастерской, всё более входя в роль потешника, гримасничая и ломаясь. Эта роль, привлекая к нему общее и доброе внимание мастеров, льстила его маленькому самолюбию и весь день охраняла его от щелчков, пинков и иных поощрений, обычных в его жизни. Но — чем выше встанешь, тем хуже падать, это ведь известно...

Вечером, пред концом работы, один из мастеров, писавший поясной образ св. великомученика Пантелеймона, подозвал к себе Мишку и сказал ему, чтобы он поставил икону, ещё сырую, на окно. Мишка, кривляясь, схватил образ и... смазал пальцем краску с ящичка в руке св. целителя... Бледный от испуга, он молча и вопросительно взглянул на мастера.

— Что? Дорвался? — ехидно спросил тот.

Я нечаянно-о... — тихо протянул Мишка.

— Дай сюда...

Мишка покорно отдал ему икону и потупился.

— Давай башку!

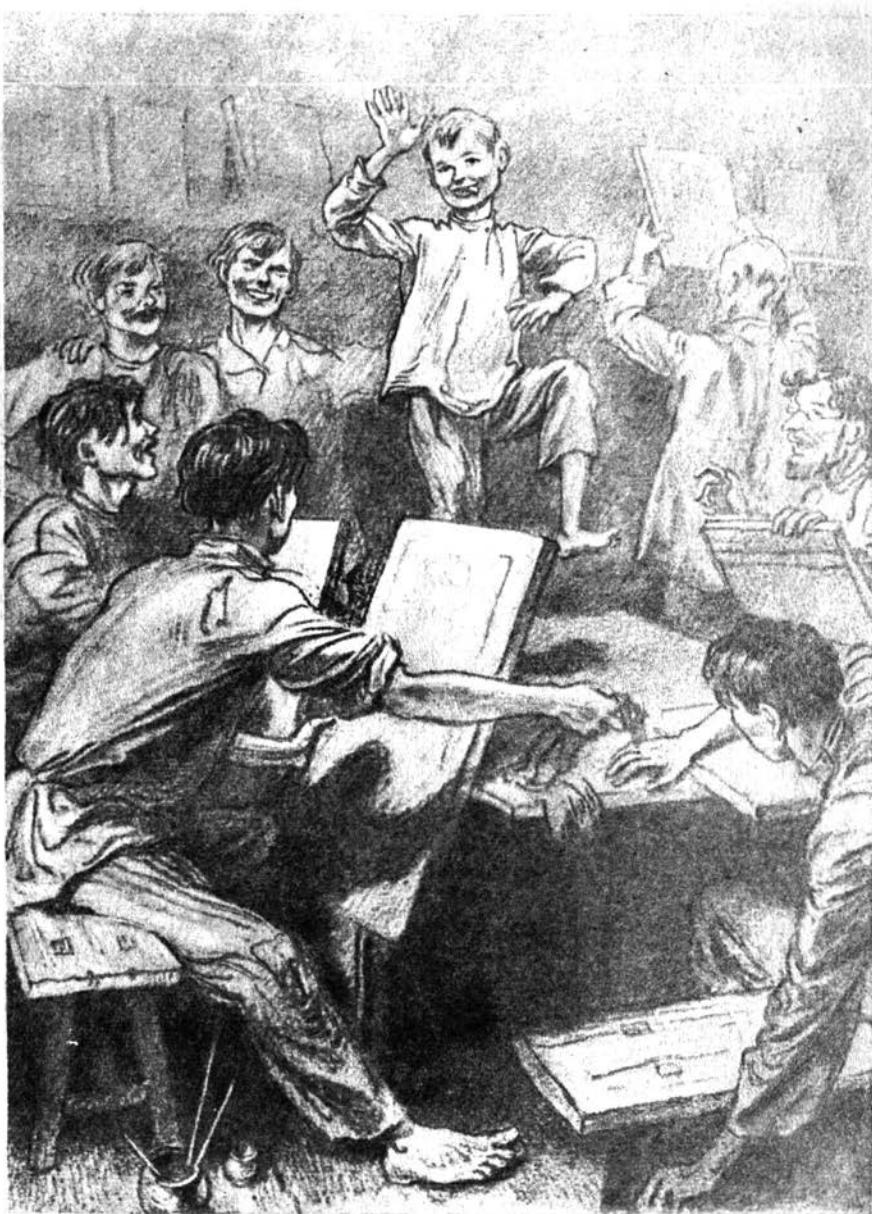
— Господи! — умоляюще взвыл Мишка.

— Ну?!

— Дядинька! я...

Но мастер схватил егоза плечи и притянул к себе. Потом он не торопясь запустил ему пальцы своей левой руки в волосы на затылке снизу вверх и начал медленно поднимать мальчика на воздух. Мишка подобрал под себя ноги и поджал руки, точно он думал, что от этого тело его станет легче, и сискажённым от боли лицом повис в воздухе, открыв рот и прерывисто дыша. А мастер, подняв его левой рукой на поларшина от пола, взмахнул в воздухе правой и с силой ударил мальчика по ягодицам сверху вниз.

Это называется «встряска», она выдирает волосы с корнями, и от неё на затылке является опухоль, которая долго заставляет помнить о себе.

И Мишика, чувствуя себя героем дня, белкой прыгал по мастерской .

Стоная, схватившись за голову руками, Мишка упал на пол к ногам мастера и слышал, как в мастерской смеялись над ним:

— Ловко кувыркнулся, паяц!

— Это, братцы, воздушный полёт.

— Ха, ха, ха! Мишка, а ну-ка, ещё посалътоморталь!

Этот смех резал Мишке душу и был намного острее боли от «встряски». Ему приказали подняться с пола и накрывать на стол для ужина.

В кухне его ждало ещё огорчение. Там была хозяйка — она поймала его и начала трясти за ухо, приговаривая:

— А ты, чертёнок, спи, где велят, а не прячься, не прячься, не прячься!

Мишка болтал головой, стараясь попасть в такт движениям хозяйкиной руки, и чувствовал едва одолимое желание укусить эту руку.

...Через час он лежал на своей постели, под столом в мастерской, сжавшись в плотный маленький комок так, точно он хотел задавить в себе боль и горечь.

В окна смотрела луна, освещая голубоватым сиянием большие иконостасные фигуры святых, стоявшие в ряд у стены. Их тёмные лики смотрели сурово и внушительно в торжественной безмятежности своей славы, лунный свет придавал им вид призраков, смягчая резкие краски и оживляя складки тяжёлых риз на их раменах¹.

Без дум, весь поглощённый чувством обиды, мальчик покорно ожидал, когда это чувство затихнет... а блестящие краски икон постепенно вызывали воспоминания о вчерашнем вечере, о красивых костюмах ловких, гибких людей, которые так свободно прыгают, так веселы и красивы...

¹ Рамена (устаревшее слово) — плечи.

...И вот он видит арену цирка и себя на ней; с необычайной лёгкостью он совершал самые трудные упражнения, и не усталостью, а сладкой и приятной негой они отзывались в его теле... Гром рукоплесканий поощрял его... полный восхищения пред своей ловкостью, весёлый и гордый, он прыгнул высоко в воздух и, сопровождаемый гулом одобрения, плавно полетел куда-то, полетел со сладким замиранием сердца... чтоб завтра снова проснуться на земле от пинка...

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Детство Ильи.....	3
Встряска	21

Для младшего школьного возраста

Горький Алексей Максимович

ДЕТСТВО ИЛЬИ

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор

Г. И. Гусева

Художественный редактор

Я. З. Левинская

Технический редактор

И. Я. Колодная

Корректор

Э. И. Сизова

Сдано в набор 4/X 1972 г. Подписано к печати 31/XII 1972 г. Формат 60x90¹/16.
Печ. л. 2. (Уч.-изд. л. 1,42). Тираж 600 000
экз. ТП 1973 № 160. Цена 6 коп. Бум. № 2.
Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство Детская литература Государ-
ственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Калининский поли-
графкомбинат детской литературы Росглavar-
полиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.
Заказ № 3.

Горький М.

Г71 Детство Ильи. Рассказы. Рис. Б. Дехтерёва.
М., «Дет. лит.», 1973.

32 с. с ил. (Книга за книгой).

Вы узнаете из этой книги, как жили дети бедняков в дорево-
люционной России: мальчик Илья, помощник старьевщика, кажется
более счастливым, чем Мишка, служащий подмастерем в иконопис-
ной мастерской.

Цена 6 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1973 году в серии «Книга за книгой»
для детей младшего школьного возраста
вышли и выходят книги:

Горький М. ПЕПЕ

Григорович Д. ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИК

Грин А. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЯСТРЕБА

Одоевский В. ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

СКАЗКИ ИЗ МУРОМА

Водопьянов М. ШТУРМАН ФРОСЯ

Воскресенская З. РОТ ФРОНТ

Драгунский В. КРАСНЫЙ ШАРИК В СИНЕМ НЕБЕ

Марков Г. ДЕД ФИШКА

Медведев В. ТИРЕ-ТИРЕ-ТОЧКА

Фадеев А. МЕТЕЛИЦА.

Эти книги можно купить
в магазинах Книготорга и потребкооперации.